

Дуйшеев Женишбек Аматисакович
Международный университет им. К. Ш. Токтомаматова,
Кыргызстан, г. Жалал-Абад
duysheev@mail.ru

Конфликтологическое образование в Кыргызстане

Аннотация. Конфликтологическое образование является неотъемлемой частью общего образования. Согласно МСКО (Международной стандартной классификации образования, 2011), система образования Кыргызской Республики включает в себя следующие уровни: дошкольное образование, согласно закону «Об образовании» и закону «О дошкольном образовании» является первой ступенью непрерывного образования и направлено на то, чтобы заложить «основы физического, интеллектуального и нравственного развития личности».

Ключевые слова: конфликт; образование, Кыргызстан

DuysheevJenishbekAmatisakovich
International University named after K. Sh. Toktomamatov,
Kyrgyz Republic, Jalal-Abad
duysheev@mail.ru

Conflict edukation in Kyrgyzstan

Abstract. In this article considered that conflictological education is inseperable part of education. According MSCE (International standard classification of education, 2011) education system of KR includes following levels: Preschool education, according the law ‘About education’and the law ‘About Preschool education’ is the first step of continuous education directed that put the base into physical, intellectual and morally development of person.

Keywords: conflict; education; Kyrgyzstan

Для обеспечения равных стартовых возможностей детей, не охваченных дошкольным образованием, при общеобразовательных организациях и организациях, имеющих лицензию на соответствующую образовательную деятельность, реализуются программы по предшкольной подготовке детей 5–7 лет. С 2015–16 учебного года в Кыргызской Республике реализуется 480-часовая (годовая) предшкольная подготовка.

Школьное образование является основным звеном системы образования и включает 3 ступени:

- начальное общее – 1–4 классы;
- основное общее – 5–9 классы;
- среднее общее – 10–11 классы.

Продолжительность обучения для получения полного среднего образования – 11 лет. В Кыргызской Республике функционируют государственные, муниципальные и частные общеобразовательные организации. По своему статусу, они могут являться общеобразовательными школами, гимназиями и лицеями. Обучение ведется на

четырёх языках: кыргызском, русском, узбекском и таджикском. Вне зависимости от формы собственности, языка обучения и др. они обязаны реализовывать Государственный образовательный стандарт, предметные стандарты и программы обучения. В начальную школу принимают детей шести- и семилетнего возраста. Обязательным является основное общее (девятилетнее) образование. Обучение на завершающем этапе общего среднего образования (10–11 классы) предполагает возможность углубленного изучения отдельных предметов (профильное обучение). Учащиеся, успешно завершившие обучение в 9 классе, получают документ государственного образца – свидетельство об основном общем образовании, а выпускники 11 класса – документ государственного образца о получении полного среднего общего образования – Аттестат о среднем общем образовании. Для реализации личных интересов и развития способностей детей в Кыргызской Республике работают внешкольные организации. В настоящее время общее количество внешкольных образовательных организаций разного типа – 1 066, в том числе:

- Экологической направленности – 180;
- Технической направленности – 98;
- Образовательной – 237.

После 9 класса выпускники могут продолжить обучение в 10 классе, выйти на рынок труда или продолжить обучение в организациях начального и среднего профессионального образования. Выпускники таких программ наряду с освоением профессии получают и полное среднее общее образование. В Республике работает 110 организаций начального профессионального образования и 131 организация среднего профессионального образования, в которых обучение ведется по 100 специальностям. Наличие Аттестата о среднем общем образовании является необходимым условием для поступления в высшие учебные заведения. Прием на все направления и специальности высшего образования бюджетной и контрактной формой обучения осуществляется только по результатам Общереспубликанского тестирования (ОРТ). ОРТ состоит из двух частей – основного теста проективного характера, определяющего возможности обучения абитуриента в вузе, и предметных тестов, построенных на материале школьной программы и определяющих уровень знаний абитуриентов. В настоящее время выпускники могут выбирать из 6 предметных тестов – химия, биология, иностранный язык, математика, история и физика. ОРТ проводится один раз в год (май, дополнительное тестирование для болевших, находившихся на соревнованиях и др. выпускников – июнь). Для получения права обучаться в вузе необходимо с 2015 года набрать 110 баллов по основному тесту и 60 баллов – по предметному тесту. Сертификаты ОРТ выдаются одновременно с получением Аттестата о среднем общем образовании. К высшим учебным заведениям Кыргызстана относятся университеты, в том числе – созданные в рамках межгосударственных соглашений – Кыргызо-Российский (Славянский) Университет и Кыргызо-Турецкий университет, академии и институты. Учредителями ряда университетов являются иностранные граждане: Американский университет Центральной Азии, университет Ата-Тюрк, и др. В республике также функционируют

7 филиалов российских вузов. За годы независимости количество высших учебных заведений выросло – от 12 в 1991 году до 50 в 2015 году. Численность студентов с 1991 года возросла также в 4 раза и составила в 2018/19 учебном году 160 тысяч человек. Из действующих в настоящее время вузов – 32 вуз – государственный и 32 – негосударственный.

С 2012 года Кыргызская Республика перешла на двухуровневую систему высшего образования, которая дает возможность получения степени бакалавра (240 кредитов), магистра (120 кредитов) и специалиста (5 лет обучения, ряд медицинских, инженерных специальностей и специальностей, связанных с творчеством).

Деятельность профессиональных образовательных организаций всех уровней требует наличия лицензии на все реализуемые программы обучения. Право выдавать диплом государственного образца имеют профессиональные образовательные организации, прошедшие аттестацию, а с 2016 года – аккредитацию. Программы послевузовского обучения включают в себя аспирантуру и докторантуру. Защита диссертации позволяет получить степень кандидата (доктора) наук. С 2013 года в вузах внедряется также программа PhD (доктор философии). В Республике реализуются также программы, направленные на подготовку, переподготовку и повышение квалификации взрослых. Их предоставляет более 1000 организаций. Обучение по данным программам может иметь целью как повышение/приобретение профессиональных компетентностей человека для более успешной деятельности на рынке труда, так и реализации личных (творческих) интересов и способностей. Кыргызстан, пережившая за свою независимость ряд революций (март, 2005; апрель, 2010) открыто и активно обсуждают все вопросы повседневного характера. Наивысшая заинтересованность в жизни общества гражданского сектора не утихает ни на час. Для полного освещения уровня конфликтологического образования в республике мы предоставляем стенограмму круглого стола, компетентных по данному вопросу гражданских активистов и ученых.

Рысбюбю Бейбутова (*декан факультета международных отношений ИИМОП КНУ им.Ж.Баласагына, кандидат философских наук*).

Мне хотелось бы поблагодарить Институт общественной политики за то, что поднимается такой важный для системы образования вопрос, как подготовка кадров нового поколения в области конфликтологии. Я думаю, что такая проблема должна подниматься со стороны вузов и вообще системы образования, которая отвечает за подготовку кадров. В этом случае мы видим, как нас опережают, и это замечательно. В своей работе мы зачастую привязаны к так называемому государственному стандарту, который заранее обуславливает, что должно быть в учебном плане по направлению или по специальности. В данном случае конфликтология, является авангардной или, во всяком случае, актуальной сейчас наукой или междисциплинарным направлением. «Направление» – это такой термин, который сейчас заменяет специальность по терминологии сугубо образовательного процесса. Так вот, это междисциплинарная область между международными отношениями и политологией. Конфликтологию

можно прикрепить как к политологии, так и к международным отношениям. До настоящего времени, я думаю, ни в одном вузе не было специальности, направления, которое бы готовило специалистов, бакалавров в области конфликтологии. Последние события 10–20 лет показывают, что в Кыргызстане могло быть открыто такое направление, где готовили бы специалистов с системными знаниями в области конфликтологии, истории, политологии, международных отношений. Но есть определенные сложности. Есть так называемый классификатор в учебно-методической литературе, перечень направлений. Например, в этом перечне до 1995 года не было и международных отношений. Специалистов профиля международных отношений готовили только в Москве, Санкт-Петербурге, во Владивостоке и отчасти в Ташкенте. Только с 1997 года в Национальном университете, в КРСУ, в МУК были открыты такие факультеты. Начиная с 2001 года, после терактов в Нью-Йорке назрела проблема открытия специализаций по предотвращению региональных конфликтов, чего раньше не было ни в одном вузе. Сейчас у нас на факультете международных отношений 9 специализаций при одной специальности «Международные отношения», включая «Политический менеджмент», «Региональные конфликты», «Глобальные миграционные процессы», «Региональная национальная безопасность», «Европоведение», «Американистика», «Сравнительная политология», «Консульская дипломатия» и «Экономическая дипломатия». То, что сегодня мы начали обсуждать необходимость обучения профессиональных конфликтологов – это то, о чем мы мечтали. Например, у нас на факультете есть готовый учебный план по направлению «Конфликтология» со сроком обучения 4 года бакалавриата и 2 года магистратуры. Предоставив этот учебный план, мы не получили позитивного ответа, потому что в документе, который называется «Сборник учебно-методических материалов», в котором даются перечни направлений подготовки по специальностям высшего профессионального образования, конфликтология как таковая не указывается. В этом смысле, какие могут быть конкретные задачи? Помимо того, что мы можем подготовить хороший учебный план и иметь мотивацию и интеллектуальную базу, то есть людей, которые могли бы преподавать специфические предметы по конфликтологии, по миротворческим исследованиям, нужны конкретные меры по продвижению этого направления в Министерстве образования.

Тема специальности, то есть пятилетнего обучения, сейчас уже закрыта, с этого года мы не имеем такой формы обучения, по приказу министра мы будем готовить только бакалавров во всех областях, уже есть специальный документ, поэтому речь может идти не о специальности, а о направлении. Первое, что нужно сделать каждому вузу, который хотел бы открыть такое направление, помимо того, что подготовить учебный план, нужно будет ходатайствовать перед министерством о включении в перечень направлений подготовки специалистов такого направления, как конфликтология. Есть еще так называемый классификатор, это еще более сложный материал, если в классификаторе нет направления или названия квалификации, то в этом случае очень тяжело. Предположим, мы открыли направление «Конфликтология», по окончании выдается диплом государственного образца, в

котором пишется квалификация выпускника, например, конфликтолог, историк, специалист в области международных отношений, бакалавр в области международных отношений и так далее. Но иногда бывают такие направления, по которым тяжело назвать квалификацию. В этом случае мы имеем достаточно простой выход из положения, я думаю, что квалификация конфликтолог вполне звучит, и вполне могла бы вписаться в классификатор названий квалификаций.

Конечно, нужно получить лицензию Министерства образования на ведение образовательной деятельности в области конфликтологии. Естественно, заранее оговариваются набор, предельный контингент, вы должны доказать, что у вас есть библиотека, у вас есть материальные фонды, видеоаудитории и, конечно, интеллектуальный потенциал – доктора, кандидаты наук в области истории, философии, других наук, которые в состоянии вести эти предметы. Сейчас государственный стандарт несколько упрощен, в этом смысле для подготовки нового учебного плана особенной проблемы не будет. Первые два курса – это математические, социально-гуманитарные науки, без этого мы не можем. С одной стороны, это хорошо, с другой стороны, мы теряем два года. Не секрет, что каждый старается включить в эти два года максимальное количество предметов по специальности, поэтому на своем факультете международных отношений мы включаем такие предметы, как информационные технологии в дипломатической практике, математические методы в общественных науках, математические методы прогнозирования во внешней политике, введение в специальность. Они сидят в первом блоке, не в нашем, так сказать, а в государственном компоненте дисциплин и специальностей. С третьего курса полностью начинается профессиональная базовая подготовка, и далее специальность, специализация, предметы, которые отражают узкое и глубокое направление по данной тематике. Открыть новую специальность или новое направление – это просто, и в то же время нелегко. Пока подготовлен документ по перечню направлений подготовки кадров, в этом документе нет конфликтологии, в реестре нет квалификации конфликтолог. Но если есть мотивация, если мы хотим открыть новое направление, я думаю, что в этом случае Институт общественной политики мог бы быть учредителем нового направления.

Как это делается. Предположим, Национальный университет совместно с заинтересованными структурами может учредить новое направление и дать такую теоретическую санкцию, чтобы какой-то вуз мог готовить специалистов по этому направлению. Мы это делали по миграции. Миграции как таковой нет ни в классификаторе, ни в перечне направлений. Мы подписали учредительный договор тогда еще с Министерством миграции и труда, с международной организацией по миграции, и наш национальный университет, Жогорку Кенеш (Однопалатный парламент Кыргызской Республики – Ж.Д.) стартовали с новой программой. Это было пять лет тому назад, это направление называется «Глобальные миграционные процессы», и мы готовим специалистов по этому направлению.

В этом году разрабатывается новое направление международной журналистики со специализацией по международной расследовательской журналистике, что очень

интересно. Это направление также находится на стыке нескольких направлений, это междисциплинарная область, в которой есть компоненты международных отношений, внутренней политики, государственной безопасности и журналистики. А на конфликтологию мы пока имеем отказ. Но я надеюсь, что надо попробовать снова, как это было с направлением «Глобальные миграционные процессы», то есть попробовать получить лицензию на подготовку кадров и в области конфликтологии.

Мне кажется, не нужно говорить о том, что для Центральной Азии это актуальная тема, и нам, конечно, нужны специалисты высокого класса, у которых будут системные знания по конфликтологии, по истории, чтобы человек, например, отвечая на вопросы журналистов, не говорил, как это иногда бывает, всякую чепуху. По крайней мере, чтобы были специалисты, которые имеют диплом и которых можно спросить, почему это так.

Подготовка документов – это очень кропотливая, порой сложная работа. Казалось бы, что такого собрать перечень из 8–12 документов, которые нужно представить в Министерство образования для получения лицензии, но эти документы достаточно серьезные. На то, чтобы одобрили каждый документ в учебной части, другие процедурные направления, уходит достаточно много времени. Мы, как правило, готовим учебный план, отдаем его в учебную часть, там подсчитывают, и идет процесс привязывания к нашему государственному стандарту. Затем мы сдаем документы в министерство, и там есть свои моменты, которые они выясняют, где история Кыргызстана, государственный язык, госкомпонент, вузовский компонент и так далее. Для человека, который не знает таких тонкостей, все кажется очень простым, а на самом деле препонов будет достаточно много.

Сергей Масаулов (эксперт ЦСЭГИ; Президент Центра перспективных исследований). Представитель Российского института стратегических исследований в Кыргызской Республике. Доктор философских наук).

Все дело в том, что профессиональных конфликтологов у нас в стране нет. Профессиональный конфликтолог отличается от человека, который просто рассказывает об этом, следующим. Те, кто называет себя конфликтологами, очень часто и в нашей стране и в России просто рассказывают после разрешения или после начала конфликта о том, как могло бы быть. Они все время работают в пространстве возможного, а конфликтолог должен работать в пространстве действительного. И главный критерий здесь – как сделать так, чтобы упредить развитие конфликта, желательно на ранних стадиях, потому что конфликтолог знает, куда это все может привести. Благодаря Институту общественной политики мы с группами студентов рассматриваем конфликты более предметно. Я могу сказать, что многие ребята, которые прошли здесь обучение, знают, что в развитии конфликта 10 этапов, поэтому желательнее его учредить на ранних этапах.

Нужны ли конфликтологи? Нужны, потому что надо уметь сделать шаг для остановки конфликта до того, как он сползет в ситуацию неизбежного повторения самых неприятных вещей в конфликте, и то, что называется в конфликтологии до «фатальной воронки». Любой руководитель, когда он попадает в фатальную воронку,

что бы ни делал, он все равно приходит к чему-то отрицательному, вынужден пройти эти отрицательные этапы. Поэтому, вне всякого сомнения, конфликтологов готовить нужно.

Почему это важно для Кыргызстана и для стран СНГ в целом? Наши страны застряли между мирами. Мы попытались уйти от мира директивного управления и объявили о том, что приходим в мир, где присутствует коммуникативное управление, то, что в публицистике называется демократическим обществом. В коммуникативном обществе учитываются интересы всех легитимных групп. Тогда возникает вопрос: где механизм учета интересов всех легитимных групп? Этот механизм нужно выстроить. Пока он не выстроен, его заменяют стучением лбом об пол перед демократической иконой.

Между тем, мы застряли в этом междумирии, поскольку нет инструментов, нет институций, а главное-нет механизмов демократической жизни, а мы объявляем, что мы уже там. Вообще в конфликтологии это состояние общества называется «химера». «Химера» – это когда в кучу соединены элементы и структуры из совершенно разных обществ, и потом выстраивается что-то жуткое. Для того чтобы нам нормально строить коммуникативное общество, в котором мы могли бы учесть интересы разных групп, надо учить людей выстраивать эти механизмы. И это, может быть, главное направление, с которым нужно работать. Я согласен с тезисами, озвученными в предыдущем выступлении, что конфликтология – это во многом не предмет, это межпредметное обучение и, соответственно, во многом это работа по подготовке людей, владеющих искусством и техникой движения в конфликте. Не важно, какое при этом будет образование, но оно обязательно. Я встречал изумительных конфликтологов, например, в Москве работает группа во главе с Цой, там великолепные биологи по образованию, но они конфликтологи от бога, потому что умеют это делать. Я могу сказать точно, я встречал конфликтологов – отличных психологов, но пока не видел ни одного конфликтолога из психолога, потому что у них не получается, они рассказывают какие-то сказки. Важный момент, где конфликтологи могут работать и чему учить? Состоялся конфликт, по определению, конфликт не может быть разрешен в пространстве, в котором он возник, потому что в этом пространстве будет работа на взаимное уничтожение. Соответственно, конфликт может быть разрешен только выходом в иное пространство или нахождением новых оснований для совместной жизни и деятельности. Тут необходимо учить, как выйти из конфликта, соответственно, как правильно зафиксировать конфликт и как устроить так называемую проблематизацию, то есть в чем проблема. Фиксация реальной проблемы – это задача конфликтолога. Далее то, что у нас плохо делается или вообще не делается. Зафиксировали проблему, необходимо строгое исследование, и этому тоже надо учить, как исследовать конфликт, причем как научными методами, так и методами мысли, деятельности, практики. Зафиксировали конфликт в виде исследования, необходимо переходить к технологизации и после этого можно стандартизировать. В момент стандартизации конфликта и взаимодействия с ним наступает пора Министерства образования с фиксацией этих стандартов. Я думаю, что мы к этому достаточно быстро

придем, по крайней мере, по моим представлениям, в пространстве Центральной Азии мы первые придем к этому. Скорее всего, министерство уже должно к этому готовиться, потому что страна в этом плане у нас более подвижная, чем соседи, и в социальных, и в общественных практиках мы продвинулись дальше. Поскольку я говорил, что конфликтология – это не предмет, а искусство и техника владения ситуацией и раскрутки её в нужном направлении, то я привожу следующий тезис: обучать конфликтологии – это значит проводить с людьми подготовку, я подчеркиваю – не образование, а подготовку, это во многом не знания, передающиеся от одного человека к другому, а когда специалист передает своему ученику, как нужно делать, а ученик потом может придумать свое и так далее. Но это умение, передающееся от учителя к ученику.

Шерадил Бактыгулов (*политолог, публицист, эксперт, исследователь проблем Центральной Азии*).

Хотелось бы напомнить одну древнюю мудрость: «Из двух спорящих виноват тот, кто умней». Поэтому есть надежда, что сегодня мы не будем искать виноватых, а попытаемся выявить основные направления работы по подготовке профессиональных конфликтологов. Необходимость подготовки профессионалов происходит из того факта, что конфликтогенность ситуации в стране обусловлена тем, что Кыргызстан возник на базе бывшей республики СССР. Страна имеет исторические взаимосвязи с государственными образованиями, в прошлом существовавшими на её современной территории. Тем не менее, Кыргызстан, впрочем, как и другие страны ЦА, является новым государством, не имеющим институциональной республиканской истории и общей для жителей страны политической культуры. Тем самым в стране заложен долговременный конфликтный потенциал между системой управления, с одной стороны, и бизнесом и обществом – с другой, а также между самими жителями. Как вы знаете, конфликт не имеет общепринятой формулировки. Наиболее часто используемым является определение конфликта как сложного социального и психологического явления, успешность изучения которого во многом зависит от качества исходных методологических и теоретических предпосылок и используемых методов. Отсутствие публикаций, содержащих анализ и экспертизу по методологии и теории конфликта в Кыргызстане, вызывает сомнения в существовании в стране системного видения и подхода при изучении конфликтов. Отсюда происходят две основные проблемы. Первая – отсутствие отечественной школы конфликтологии, соответствующей требованиям развития страны. Вторая – призрачность будущего развития конфликтологии в Кыргызстане.

Следствием этих проблем являются следующие вызовы.

1. Слабые междисциплинарные связи. Если и существуют попытки объединения конфликтологов в ассоциации, то, как правило, в них не принимают участие те, кто не признает научные разработки оппонентов или не желает раскрывать свои технологии.
2. Теория и практика оторваны друг от друга. Теоретические разработки чаще всего направлены на обоснование некоторых идей или положений и, в основном, предназначены для защиты диссертаций.

Практика, в которой взаимодействуют конфликтующие стороны, часто является зоной деятельности некоммерческих организаций, являющихся хорошими реализаторами или имплементаторами теоретических выкладок международных организаций. Конкуренция между специалистами на получение контрактов в области конфликтологии не позволяет раскрывать наработки в области социальных технологий, так как ими начинают пользоваться чиновники международных организаций или консультанты, задействованные в предвыборных гонках или в борьбе за власть. Это основные проблемы. Можно продолжать надеяться, что проблемы подготовки профессиональных конфликтологов разрешатся сами по себе.

Однако реалии развития Кыргызстана показывают, что конфликты в стране не стали двигателем позитивного развития. Наоборот, имеющиеся сегодня тенденции в обществе приведут к разрушению государственности. Поэтому сегодня роль профессиональных конфликтологов в развитии государства высока, как никогда ранее. Значит, проблемы конфликтологии придется решать сообща. Сегодня необходим выход на качественно новый уровень подготовки конфликтологов. Для изменения сложившейся ситуации можно предложить следующие основные меры:

1. Необходимо подготовить и издать англо-русско-кыргызский глоссарий терминов и понятий в сфере конфликтологии. Несмотря на то, что в последние годы появилось немало зарубежных изданий по конфликтологии, количество опубликованных учебников, учебных пособий и методологических разработок, адаптированных к условиям Кыргызстана, все еще недостаточно. Людям, занимающимся и интересующимся конфликтологией, надо начать говорить на одном профессиональном языке.

2. Необходимо сконцентрироваться на количестве и качестве подготовки преподавателей-конфликтологов и конфликтологов-консультантов. Это разные направления деятельности по применению полученных людьми знаний в сфере конфликтологии, а конфликтологов не хватает физически. При этом их профессиональная подготовка не всегда соответствует современным требованиям.

3. Необходимо разработать программы повышения квалификации преподавателей конфликтологии и на системной основе вести эти программы. Сегодня конфликтологию преподают философы, социологи, психологи, политологи и люди других специальностей. С разным успехом каждый конфликтолог занимается своим образованием. Самообразование хорошо, а обмен мнениями и позициями – все-таки лучше.

4. Необходимо создать два-три центра исследования конфликтов. В качестве первоочередных задач таких центров видятся моделирование конфликтных ситуаций, повышение квалификации конфликтологов и проведение консультаций по управлению конфликтами.

5. Необходимо ввести элементы конфликтологии в школьную программу «Человек и общество». Конфликты являются частью человеческого общежития. Успешность граждан страны зависит, в том числе, от их умения справляться с конфликтными ситуациями в быту и на работе.

Перспектива создания и развития кыргызстанской школы конфликтологии зависит от решения вышперечисленных проблем и задач. Но это только программа-минимум.

Назуль Турдубекова. *(директор ОФ «Лига защитников прав ребенка», председатель Координационного совета Национального центра КР по предупреждению пыток, правозащитница).*

Вопрос: почему государство не обсуждают эти проблемы на высоком уровне? Почему у нашего правительства сегодня нет желания создавать уполномоченный орган, который замерял бы состояние конфликтной ситуации в Кыргызстане?

Сергей Масаулов *(эксперт ЦСЭГИ; Президент Центра перспективных исследований. Представитель Российского института стратегических исследований в Кыргызской Республике. Доктор философских наук).*

Я, конечно, не могу говорить от имени правительства, но скажу из опыта прошлых работ. Мы разрабатывали для руководства страны так называемый «пульт управления» – это некая система взаимодействия государственных структур, некая процедура взаимодействия, которая давала бы руководству, мы это условно называли, «пульт». На этом пульте возникали бы зоны – «красная», требующая немедленного реагирования и неких действий, условно зоны «желтая» и «зеленая», где все еще более или менее спокойно. Это надо делать, восстанавливать. Мы разрабатывали для руководства страны карту по Кыргызстану, этой картой сейчас регулярно и постоянно пользуется МВД. Более того, 4 раза в год они делают обзор, и на этой карте точно обозначены очаги конфликтов, возможные вспышки и так далее.

Вопрос: кто аккумулирует, кто может выдать систему действенных мер по предупреждению сползания конфликта в горячую стадию? Здесь важный момент, я неоднократно говорил об этом еще три года назад, когда пришлось работать с этим, у наших структур и, прежде всего, ответственных за это структур, фактически атрофирована функция аналитики. Есть функции информирования, сбора информации, а функция аналитики, то есть выдачи конкретных рекомендаций к конкретным ситуациям, практически атрофирована, и во многом проблема в этом. Для того чтобы передать дальше умение разрешать конфликты, в стране необходимо создавать школы сценирования. Нам необходима школа сценирования.

Татьяна Выговская *(директор Казахстанского Центра Медиации, тренер и эксперт, конфликтолог, представитель Московской школы конфликтологов в Кыргызстане).*

Мне бы хотелось поделиться сугубо практическим мнением о том, каких специалистов нам не хватает, что мы хотим видеть и как мы подходим к оцениванию проблемы недостатка конфликтологов в Кыргызстане. У меня очень большие сомнения, что для того, чтобы работать в конфликтологической структуре, нужны только конфликтологи. Вопрос, заключается в том, на что ориентируется организация. В нашем случае, нам нужны менеджеры в управлении конфликтологическими программами, аналитики, с чем прекрасно справляются политологи с квалификацией политической системы и функционирования; нам нужны психологи и социальные психологи, которые непосредственно налаживают контакт на местном уровне; нам

нужны политологи со специализацией «Политическая социология», в принципе политологи вполне могут заменить собой социальных конфликтологов, потому что образование, которое дают на факультетах политологии, вполне адекватно. Вопрос в качестве подготовки, кого мы сейчас сможем принимать на работу. Сейчас на работу с наименьшими рисками мы можем принимать выпускников из Национального университета и выпускников БГУ. По поводу выпускников КРСУ и прочих вузов у нас большие сомнения, поскольку уровень подготовки, который дают вузы, не позволяет переучить человека быстро, то есть дать ему необходимый объем знаний. Готовить или не готовить конфликтологов вообще. Для того чтобы подготовить специалиста, выпустить его, сначала нужно подумать о проблеме, где он будет работать. В любом случае перед вузом будет стоять вопрос возможного трудоустройства, и вопрос возможного трудоустройства будет определять желание человека учиться той или другой специальности.

Конфликтология, в принципе, такая сфера, что студенты, которые, например, смогут получить степень бакалавра конфликтологии, вряд ли найдут себя на рынке. Поэтому конфликтология – это уровень MBA либо уровень сертифицированной школы. Просто учить набору навыков, который человек потом не сможет применить, и работодатель вынужден будет переучивать его под свою специфику, смысла, наверное, нет. А уровень сертифицированной школы, мы бы были благодарны, если бы у нас открылась такая школа и она обучала бы специалистов, как использовать этот спектр навыков. Специалисты, которые готовятся определенными вузами, проходили бы специальные сертифицированные курсы. По примеру многих зарубежных институтов, университетов и школ есть такие центры, которые предлагают 20–30 сертификационных программ, среди которых работодатель для своих работников может выбрать то или иное повышение квалификации и просто их туда отправить.

Очень большая проблема – это научные исследования в области конфликтологии. Мы были бы весьма благодарны, если бы у нас был научно-исследовательский институт конфликтов и конфликтологии и этот институт определял бы, во-первых, применение профессиональной терминологии, во-вторых, давал вариации на тему применения профессиональных методов. Сейчас, по требованиям нашей организации, «плодовоовощной» подход к анализу конфликтов нас не устраивает. Мы основываем свою работу на математических моделях, соответственно, это конфликтологи, политологи и математики, которые работают вместе. Луковица конфликта, деревья и прочие растительные принадлежности не применимы в нашей работе. Нам бы хотелось, чтобы был источник знаний, откуда бы наши студенты, выпускники, профессионалы могли получать информацию о том, какие методы существуют, как их применять, где научно-практическая база. Потому что сейчас конфликтологи в Кыргызстане, даже те люди, которые прошли тысячи курсов, работали в определенных НПО и приходят на работу к нам, они нас не устраивают, потому что базис популистский, это не научно-практический базис, на котором специалист может сразу начинать работать. Для начала ему надо изучить целый курс,

и необходимо вложить от 10 до 15 тысяч долларов на переподготовку каждого. Это очень дорого, ограниченные ресурсы, которые создают ряд проблем.

Рысбюбю Бейбутова (*декан факультета международных отношений ИИМОП КНУ им. Ж. Баласагына, кандидат философских наук*).

Я тоже думала, что лучше начинать с магистратуры по конфликтологии, но практика показывает, лучше иметь фундаментальные знания в области конфликтологии, бакалавр может идти в магистратуру по юриспруденции, по политологии, по совершенно другой специальности. Где они будут работать? Это Министерство миграции, направления, которые, так или иначе, связаны с миграцией, это СНБ, МВД, если человек имеет базовое образование по конфликтологии и магистратуру по правоведению, то я думаю, что это в идеале. Когда в 1995 году создавались факультеты международных отношений, было много скептиков, которые говорили, что министерство маленькое, штат достаточно маленький, где будет работать огромная армия из КРСУ и Национального университета. Работают и практически все по специальности, в том числе и во многих НПО. Сейчас во многих международных организациях реализуются проекты по предотвращению конфликтов – Всемирный банк, АБР, Европейский банк развития и реконструкции, не говоря о наших фондах «За международную толерантность» и так далее, везде наши студенты. Но работодатели не всегда обращают внимание на то, что именно человек закончил вуз, диплом есть, и все, а надо смотреть на специализацию, какой предмет. Например, когда мы отправляем учиться в Японию, они спрашивают, сколько часов практических занятий по японскому языку получил студент, какие предметы он изучал, только смотря на предметы, на количество академических часов его допускают к учебе. Я думаю, что работодатели скрупулезно, квалифицированно должны подходить к тому, кого мы выпускаем.

Юлия Кривчун (*конфликтолог*).

У меня есть предложение. В Новосибирске в Российской Федерации в одной из школ подростков стали учить тому, как разрешать конфликты внутри своего коллектива, как попросить прощение. Когда появился этот проект, то драки и все то, что является головной болью для школы, прекратились.

Мээрим Шамудинова (*представитель Института общественной политики, представитель общественного фонда «Лига защитников прав ребенка»*).

Спасибо за ваше предложение. Насколько я знаю, что некоторые НПО занимаются такого рода деятельностью, например, «Лига защитников прав ребенка» реализует проект под названием «Школа примирения», то есть такого рода проекты у нас тоже есть.

Шерадил Бактыгулов (*политолог, публицист, эксперт, исследователь проблем Центральной Азии*).

Дело в том, что конфликтологию не так просто преподавать в рамках школ. То есть обычные методы преподавания не будут действовать. Детям нельзя объяснять конфликтологию на пальцах. Если работают с детьми, то там есть инновационные техники, какие-то ролевые игры и так далее. С ними можно работать, но они не ложатся

в рамки образовательных программ Министерства образования. Соответственно встает вопрос: как в рамках школы преподавать подобные предметы? Какие-то элементы можно, как я говорил, есть такой школьный предмет, как «Человек и общество», там можно показать общий план, но вводить как отдельный предмет, я думаю, пока рановато.

Иван Каменко(конфликтолог)

Как известно, конфликт – широкое понятие, универсальное, оно пронизывает практически все сферы нашей деятельности, и они всегда рожают конфликт от внутриличностного, семейного, закачивая международными, межгосударственными. У меня такой вопрос, есть ли необходимость готовить специалиста конфликтолога сверхширокого профиля по всем видам конфликтов? Я думаю, что есть необходимость готовить на уровне специализаций в отдельных отраслях знаний, например, в социологии, политологии, конфликтологии, регионоведении, праве, этнологии, международных отношений, государственного управления и так далее. Также не вводить новый вид специальности и профессии, как конфликтолог. Где он может себя испробовать? Нужно готовить специалистов в рамках существующих специальностей гуманитарного направления, социального и юридического для того, чтобы быть более профессиональным в этой области.

Рысбюбю Бейбутова(декан факультета международных отношений ИИМОП КНУ им.Ж.Баласагына, кандидат философских наук).

С прагматической точки зрения, возможно, чтобы деньги не распылять, но практика показывает, что нужны специалисты по конфликтологии, если они будут бакалавры в одной области и заканчивать магистратуру по конфликтологии или наоборот. Я думаю, что это может быть идеальное сочетание.

Сергей Масаулов.(эксперт ЦСЭГИ; Президент Центра перспективных исследований .Представитель Российского института стратегических исследований в Кыргызской Республике. Доктор философских наук).

Да, я совершенно с этим согласен, но тут надо различать... В интеллектуалистике единицей измерения является подход. Если мы работаем в естественнонаучном подходе или в научно-исследовательском подходе, то тогда возникают всякого рода «логии» – политология, социология и так далее. Но есть и иной подход, так называемый «мыследеятельностный», там, где приходится все это сплавлять в единый поток. Соответственно, работать здесь и сейчас. Социальная практика – это конфликтология, сюда надо ориентировать.

Шерадил Бактыгулов(политолог, публицист, эксперт, исследователь проблем Центральной Азии).

В качестве одной из мер я как раз предложил разделять преподавателей-конфликтологов и конфликтологов-консультантов. Это же разные направления, одно дело преподавать, другое дело консультировать. Консультировать без знания определенного минимума в той сфере, где проводится консультация, нельзя. Естественно, такая консультация конфликтолога, в принципе, будет не очень значимой и последовательной.

Гульмира Бегалиева(политолог).

Я являюсь политологом, и у нас в университете конфликтологию преподают именно политологи. Студенты здесь задают вопрос о том, кто будет вести предмет. У меня такая идея, все-таки, прежде чем готовить профессионалов-конфликтологов, нужно начинать со специализации, допустим политолог-конфликтолог. Появятся будущие кадры, которые будут работать с нашей молодой интеллигенцией. Именно преподаватели должны давать позитивные идеи молодежи и готовить, чтобы создавать, как вы говорите, бесконфликтное общество, хотя такового не бывает. Как вы знаете, конфликт–это прогресс, развитие.

Нужно начинать со специализации, и я предлагаю начать с политологов-конфликтологов, так как политология, как вы знаете, включает все науки: политическую историю, политическую психологию, социологию, антропологию и так далее. Я считаю, что базовой должна быть политология.

Жылдыз Садыкова.

Мне очень понравилось, что здесь предложили начать со специализации. Как рекомендация или пожелание, пожалуйста, обратите внимание на специалистов по земельным вопросам, по природным вопросам, потому что вы знаете, что в Центральной Азии имеется очень большая проблема эффективного управления водными ресурсами. Скоро в этой сфере возникнут большие конфликты, они сейчас на юге происходят локально.

В свете последнего стремления нашего правительства по оптимизации государственной структуры это будет нереально – создавать большой орган. Было бы правильно, если бы конфликтологи и уважаемые психологи собрались вместе и разработали, скажем, цикл тренинговых модулей и обязательно начали работать с органами МСУ. Я делаю акцент на МСУ, потому что именно эти структуры близки к народу, именно они ежедневно, ежечасно, ежесекундно работают с местными сообществами. Наш комитет по аграрной политике, водным ресурсам, экологии и местному самоуправлению открыт для консультаций, встреч и взаимопомощи.

Рысбюбю Бейбутова(декан факультета международных отношений ИИМОП КНУ им.Ж.Баласагына, кандидат философских наук).

Я хотела бы сказать, что этот Круглый стол обнажил все факты, все проблемы, которые нужно будет решать, и как видно из того, что мы здесь обсудили, регионы идут впереди. Образование, системная структура, привязанная к каким-то правилам, это и плохо, и хорошо, поэтому я принимаю все замечания, высказывания и считаю, что в любом случае профессиональное обучение в области конфликтологии необходимо. Оно должно быть с точки зрения психологии, политологии, международных отношений, социологии, и это можно сделать только в вузовской практике. Во всяком случае, это обсуждение наводит меня на мысль, что мы что-то должны сделать, невзирая на руководство. Есть мобильные молодые люди, которые могут в этом принять участие. Молодой человек спросил, кто будет обучать, я думаю, что найдутся люди, если будет набор. Если в этой области останутся один-два человека из 15–20, и будут делать глубокие конфликтологические исследования, я думаю, что

задача для вуза на первой стадии будет решена. Я думаю, что мы будем работать с вами в тесной связи. Это наша первая встреча, мы способны сделать несколько таких чисто образовательных мероприятий. Для меня контекст совершенно другой, мы в университете обсуждаем другие вещи, для какого блока сколько академических часов, идет буквально драка за эти академические часы, это совершенно другая плоскость, она для меня очень полезна.

Сергей Масаулов. *(эксперт ЦСЭГИ; Президент Центра перспективных исследований .Представитель Российского института стратегических исследований в Кыргызской Республике. Доктор философских наук).*

Коллеги, спасибо, потому что, действительно, зацепили ряд интересных моментов. Лично для себя я вынес одну очень важную вещь: нам действительно нельзя в этом движении стандартизации потерять разнообразие. Это очень важно и, возможно, работу по стандартизации необходимо проводить все-таки с точки зрения удержания разнообразия как базовой категории, на чем мы основываемся.

Мээрим Шамудинова*(представитель Института общественной политики, представитель общественного фонда «Лига защитников прав ребенка»).* поблагодарила участников Круглого стола и подвела итоги.

Данный Круглый стол, который открыл занавес, был организован в рамках проекта «Молодежь и мирные методы разрешения конфликтов» при поддержке Департамента международного развития (DFID) в Кыргызстане.

Вот в основном, такое положение конфликтологического образования в Кыргызстане.